

*Раймундо де Альба-Викто. Идадьго и
гобба-умница*

Александр Бережной

Александр Бережной Раймундо де Альба-Викто. Идальго и гобба-умница

<https://litres.ru/74014451>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мечта о рыцарстве не умирает вместе с мечтателем, она будет жить до тех пор, пока будут появляться те, кто достаточно безумны, чтобы поверить в эту мечту.

Идальго, следующий пути чести, или гоблин-полукровка, верящая, в него, - кто из них больший безумец - это большой вопрос.

Александр Бережной

Раймундо де Альба-Викто.

Идальго и гобба-умница

Сплю я, значит.

И не хорошо так сплю, как будто опять проигрался в primeго дону Энрике де Толедо триста золотых, а утром теперь надо об этом деле маменьке – донье Беатрикс де Альба-Викто – как-то сообщить, да так чтобы в процессе объяснений не всплыли ни выпивка, ни девицы из театральной труппы.

А как не сообщать? Всплывут ведь.

Найдутся доброхоты, расскажут, как оно было на самом деле.

Только что они, доброхоты эти, понимают в жизни?

Кхр-кхр.

Я им не какой-нибудь захолустный дворянишко. Нечего меня их мелкой мерой пытаться мерить.

Я – Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre.

Будьте любезны относиться ко мне соответствующе, а иначе познакомитесь с моим клинком.

Ну может не моим, а моего верного escudero – Чезаре.

С чего это мне свой клинок по пустякам марать?

Старик, конечно, откровенно туповат, но шпагой владеет отменно... не то чтобы мне и правда нужна была его шпага, но не выставлять же старика из дома, которому он прослужил столько лет? Чезаре ведь ещё моего папеньку – дона Эстебана де Альба-Викто – шпагу учил держать. А мы – Альба-Викто – помним добро и ценим верность.

Кхр-кхр.

А ещё мы любим женщин.

И вино.

Вино, конечно, же «Sangre de una diosa», а не какое-то там «Lacrime dell'Imperatrice», которым заливаются те, кто не знаю, - в Новой Вероне уважающие себя люди пьют только «Sangre de una diosa».

Женщины – несомненно красивые, и чтоб у них было за что подержаться: я – Раймундо де Альба-Викто, а не коршун, чтобы на кости зариться.

Ох... женщины... о них всегда приятно думать, и пусть я не помню уже лиц многих из них – пусть, это они должны меня помнить, а не я их. Помнить и быть благодарными за те минуты близости, что я подарил им.

Кхр-кхр.

Да что ж это за противное «кхр-кхр»?

Куда смотрит Хулито?

Почему поганец, что сну моему и мыслям моим мешает ещё не наказан?

Неужели самому придётся глаза открывать и вставлять?

Кхр-кхр.

Всё, кто б ты там ни был – ты вызвал гнев самого Раймундо де Альба-Викто.

Готовься понести заслуженное наказание!

Опять шторы задёрнуты... темно, хоть глаз выколи... он что, хочет, чтобы я снова в стену вписался?

- Чезаре, разыщи мне Хулито!

Кхр-кхр.

На ощупь ищу шторы, но нахожу лишь стены. Гладкие.

Почему гладкие?

Где картины?

Где мебель?

- Чезаре! А ну свету мне дал!

Кхр-кхр.

Кхр-кхр.

Это «кхр-кхр» активнее стало.

Осторожно, чтобы не упасть, двигаюсь в сторону звука.

Недолго в общем-то двигаюсь. Шагов пять и вновь гладкая стена.

- Чезаре, чтоб тебя! Где ты?!

Кхр-кхр.

Кхр-кхр.

Стена.

За стеной кто-то скребётся.

Противно так.

А у меня и без того голова гудит.

И вообще самочувствие не очень.

Это где ж я вчера так гулял, что сейчас мне так плохо?

Ну это, конечно, хорошо, что плохо, ведь если сегодня плохо, значит, вчера точно было хорошо... только с чем это я ничего не помню?..

Кхр-кхр.

Кхр-кхр.

Нащупал что-то.

Какую-то задвижку.

Тугая.

Сдвинул в сторону.

С той стороны уже не скребутся, а колотят.

Да что ж там за глупцы такие?

Ничего, я знаю, как таких проучить.

Пинком открываю дверь.

Резкий вскрик и звук падающего тела.

Получил дверью по лбу? А нечего было прерывать мой сон.

- И где это я? – окинув взглядом помещение и не узнав, задал я вопрос.

В силу того, что на мой вопрос некому было отвечать, кроме существа, которое, получив удар дверью, теперь без

чувств валялось на полу, я подошёл к нему.

Гоблин.

Фу.

Ну кто пустил сюда эту зелёную плесень?

Кстати, всё-таки где это самое «сюда»?

Обстановочка, честно говоря... видел я склепы повеселее.

- Склеп...

Так, так.

Я в склепе.

Точно в склепе.

И кому в голову пришло так безвкусно надо мной подшутить?

Фер!

Это точно он. Худосочное трепло из семьи Херес-де-ла-Фронтера. Всё же решился отомстить мне за тот случай с его кузиной? А ведь там больше эта дуручка себе напридумывала, чем реально что-то было.

Солнечного света вроде всего две полосы, а прям глаза выжигает.

Прям кожей жар ощущая, что идёт от них.

С каких это пор у нас такое жаркое лето?

И вообще где все? Почему никто не выскакивает из-за угла, тыча в меня пальцами и смеясь?

И что это за гоблин? Он что – часть розыгрыша?

А вот вам всем – показал я в пустоту неприличный жест. Думаете, я – Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre, начну метаться как мальчишка? Звать на помощь? Спрашивать, не умер ли я?

Ха!

Не бывать этому!

Я пойду и ещё посплю.

Да и с такой жарой желания никакого нет выходить из прохладного уютного склепа.

Вот лица у этих неумех будут, когда они завалятся сюда, чтоб надо мной посмеяться, а я преспокойненько сплю.

Посмотрел на каменное ложе, на котором я недавно лежал.

Но нет... Фер как был дураком, так им и остался.

Не доработал, не доработал: где гроб?

Если хотел меня напугать, нельзя такие очевидные вещи игнорировать.

Мертвец и без гроба... не порядок.

Тем более такой мертвец, как я.

Если бы я умер – меня бы положили не в каком-то непонятно склепе, а в фамильной усыпальнице, рядом с моими достойными предками.

Так что ты, Фер, не только трепло, но и бездарь.

Спать на голом камне, я не стал.

Решил размяться, а то мышцы прям деревянные.

А что места не много – так оно и лучше.

Старик Чезаре презирал истинное искусство, которое преподавали своим ученикам иные маэстро, отдавая предпочтение *Destreza Vulgar*, вульгарному искусству, искусству боя на узких улочках, и тесных помещениях, когда под ногами не ровная, выметенная площадка, на неровный булыжник мостовых, где под ноги мог попасться конский навоз, или пьяные тела товарищей.

Тренировка после попойки – самое то, вся гадость с потом выходит.

Форму опять же поддерживаешь.

Девушки от красавчиков без ума – любую чепуху можешь им молоть, а они всё равно на тебя глядеть будут с восхищением.

Если о чём и жалел, так это то что придётся выслушивать нотации маменьки – Хулиито ведь точно доложил, что меня всю ночь не было.

Тело категорически отказывалось начинать потеть, чтобы я с ним не делал.

Что ж за дрянь я такую вчера пил?

И тут же мысль – нет, не в выпивке дело. Мне что-то под-

мешали.

Ещё бы вспомнить, где я вчера был. С кем пил.

Ничего, скоро увижу этих шутов.

Поймут, что долго уж слишком не слышно криков-стена-ний и заявятся, вот тогда я и узнаю, с кем больше пить не стоит.

Это же надо быть таким... таким подлецом – в вино что-то подмешивать, как какой-то вор или убийца.

- Ой... - как-то тонко и слабенько простонал гоблин, что получил дверью в лоб.

А я о нём совсем и забыл.

Точнее о ней.

Только девушки могут так стонать без особой на то при-чины.

Мужчина бы получив дверью в лоб поморщился, ругнул-ся, а тут «ой», «ах», будто в будуаре мы, а не в склепе.

Совершенно у этих гоблинов стыда нет – девица да в мужском платье.

Где это видано?

Это же позор.

Позволь Клара себе подобное... даже и не знаю, чтобы то-гда.

Но это и правильно, что не знаю, потому как сестра моя – приличная девушка, дочь семьи Альба-Викто, а не какая-то

гоблин.

Истинный, до чего же несуразное создание.

Уши эти её огромные.

Кожа эта с её зеленая.

Но что-то больно высокая она для гоблина.

И лицо не такой уродливое, как ему положено быть.

- Ah, caramba! – не смог удержать я своё удивление, когда наконец понял, что это гоблин-полукровка.

- Не ругайтесь, дон Раймундо...

- Для тебя – дон Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre, - оборвал я её, - прошу обращаться ко мне, как положено, а не то я велю, и Чезаре выпорот тебя.

Полукровка перестала стряхивать с себя пыль и посмотрела прямо мне в глаза:

- Вы не понимаете в какой ситуации оказались, дон Раймундо, и...

- Дон Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre. – медленно, делая акцент на каждом слове, произнёс я.

Полукровка позволила себе сделать глубокий вздох, собираясь с силами.

- Дон Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre, вы и дальше можете продолжить препираться со мной, но в таком случае...

До чего же наглое создание.

И глупое.

Никакие деньги, полученные от Фера, не стоят того, чтобы

так рисковать.

Или полукровка думает, что я проявлю снисхождение к ней просто в силу принадлежности её к слабому полу?

Так пусть же знает, я многое готов простить женщине, но только в одном случае – если это красивая женщина:

- Полукровка, мне не нравится твой тон. Ты пытаешься мне угрожать? Очень опрометчиво с твоей стороны. Боюсь, если ты немедленно не принесёшь мне свои извинения, тебе не отделаться простой поркой.

- Вам никто не угрожает...

- Вам никто не угрожает, дон Раймундо...

-... де Альба-Викто, Señor de la Única Torre. – закончила за меня полукровка таким тоном, что я не мог промолчать.

- Полукровка, мне не нравится твой тон.

- А мне ва...

- Так выметайся! – отмахнулся я. – И передай Фере, чтобы этот трус готовился либо принести мне извинения за столь неуместную шутку, либо – к дуэли.

И пусть только попробует выбрать извинения.

Ославлю его как труса.

Всякий Феру вслед плевать потом будет:

- Cobarde.

Я – Раймундо де Альба-Викто. Со мной нельзя шутить.

- Никуда я не пойду. И не знаю я никакого Фера.

- Фернандо Херес-де-ла-Фронтера, но ты можешь его знать, как Трепло. Фер Трепло.

- Я ещё раз повторяю: я не знаю никакого Фера, а семья Херес-де-ла-Фронтера за связь с Тёмными богами, участие в кровавых ритуалах, убийства и контрабанду была вычеркнута из списка Великих Семей. Это было почти два десятилетия назад.

- Какие два десятилетия, полукровка? Ты что такое несёшь?

Полукровка продолжила говорить, так и не ответив на мои вопросы:

- Семья Альба-Викто также была вычеркнута, - на это слове моя шпага сама собой прыгает мне в ладонь, - из списка Великих Семей. Это было пять десятилетий назад.

- Это дурная шутка, полукровка. Не знаю – сколько тебе заплатили за неё, но оно явно того не стоило. Никакие деньги не стоят жизни, ни одна жизнь не может быть превыше чести.

- Колите, если ваша гордыня не позволяет вам увидеть правду, что стоит за моими словами, то вы не тот, кого я искала, а это значит – всё кончено.

Сказала и шагнула прямо на остриё моей шпаги.

Я едва успел убрать его – иначе бы эта Лоса, эта безумная, точно нанизалась бы.

- Ну что же вы? Колите.

И ещё шаг навстречу своей смерти.

Лоса!

Мне пришлось сделать шаг назад.

Не из страха – чтобы уберечь эту безумную от верной смерти.

Истинный, не знаю, где Фер разыскал эту полукровку, но клянусь, кишка у неё не тонка.

- Колите.

И я бы понял слезы в её глазах – девице слезу проронить, что иному бокал вина выпить – так нет их.

Смотрит мне прямо в глаза. С вызовом. И... и укором?

После такого Фер уже не отделается простыми извинениями.

Вынудить меня своими словами выхватить шпагу и направить её на женщину, пусть и полукровку...

Грязно играешь, Фер.

Только я отказываюсь принимать твою игру:

- Полукровка, ты забываешься. Я – кабальеро. Я не мараю клинок о женщин. Даже если эта женщина – безумная кошка, которая напрашивается на удар. Если ты хочешь смерти – иди к палачу. Он получает за это деньги. Я – нет.

«В шпаге, что покидает ножны без должного повода чести меньше, чем в продажной девке – у той хотя бы есть повод торговать телом». – так говорил старый Чезаре.

Espada desnuda – sangre dueña.

Обнаженная шпага требует крови.

- Моя честь не вернется в ножны голодной. – полоснул я клинком по левой руке.

Крови и боли не было.

Ручки полукровки легли на мою ладонь, закрывая, пряча от меня рану, из которой отказывалась течь кровь.

- Дон Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre, прошу: выслушайте меня.

Одернул руку, сжал её в кулак.

- Я не знаю, что здесь происходит, но я выслушаю тебя. – ответил. – Говори.

На шпаге в месте, которым она прорезала ладонь, остался след чего-то чёрного, густого.

Либо Фер оказался не таким Треплом, как показывал всё это время, и нанял хорошего алхимика или мага...

Либо...

Истинный, храни меня от этого второго «либо»...

Полукровка сделала шаг назад.

Опустила глаза.

И присела в глубоком, почтительном поклоне – слишком неловко для придворной, слишком старательно для той, кто привык к поклонам. Левую руку – на грудь. Правую – в сторону, как принято при дворе. Но держалась не как придворная дама. Скорее, как солдат, который склоняет знамя перед победителем.

- Дон Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre.

– голос ее был тих. – Я искала вас два года. Искала и нашла.

Пауза.

- Молю вас: принесите нам победу в войне, которую мы проиграем.

«Война» - я чуть не рассмеялся этому слову в голос. Давно я его не слышал. Давно никто не произносил его при мне без насмешки.

Время войн прошло.

Прошло время славных побед.

Честь предков забыта.

Пришло время торговцев.

Каждый торгует тем, что имеет.

Ткач торгует тканями.

Сыровар – сырами.

Идальго – своим клинком и жизнью.

Некогда благородные семьи – дочерьми.

Знал Фер какие слова вложить в уста этой полукровке, чтобы я на мгновение, на краткое мгновение поверил в эти слова.

Но от того мгновения, как от поцелуя куртизанки, осталось лишь воспоминание, и я с нескрываемой усмешкой спросил у полукровки, всё также склонённой в поклоне:

- И с кем же война? Нарушено Имперское перемирие? Гордецы из Хайльберга вновь захотели получить то, что им не принадлежит? Или, может быть, Барбадор вместо своих

вин решил прислать армию?

- Тёмные боги. Это война с Тёмными богами.

Эх, Фер... ну вот тут ты глупость придумал, и никто тебя не поправил.

Войска Тёмных богов были давно разбиты, а новым, слава Истинному, уже неоткуда явиться: закрыта дорога в Тёмный мир.

Разве что орки расшалились... так какая война с зелёнокожими?.. так, мелкие стычки, в которых славы получить можно столько же, сколько за то, что разогнал стаю пьяного мужичья с вилами и кольями. Один смех, а не слава.

- Молю, дон Раймундо ...

Голос.

С каким удовольствием поверил бы я ему, но правды в нём не больше чем любви в глазах куртизанок, какие б слова при этом не шептали их уста.

- Довольно. – оборвал я её, уже различая топот конских копыт. – Пошли встречать тех, кем оплачен этот спектакль.

Видно, скучно Феру с компашкой было у склепа куковать, ждать моего пробуждения, а вот теперь спешит – боится не успеть к самой потехе.

- Нет! – вцепилась мне в рукав, полукровка. – Нам бежать надо.

Голос может врать, но не глаза.

Мольба и страх.

- Пожалуйста, - буквально повиснув у меня ну руке, шептала она, - пожалуйста...

Меня будто обдало огнём.

То ли из-за того, что солнечный свет теперь падал на меня.

То ли из-за того, что я хотел верить этим глазами.

Хотел и не мог.

Честь давно уже даже не мертва.

Хуже.

Измерена, взвешена и теперь торгуют ей оптом и в розницу.

С полукровкой, намертво вцепившейся в моей рукав, я пошёл к выходу из склепа, туда, где слышались копыта. Пошёл навстречу «врагам», в которых не верил. Навстречу войне, в которую не верил. Навстречу окончанию этого странного спектакля.

- Ау, Dios mío...

Истинный, что за пекло снаружи?

Будто на раскалённую сковороду попал.

Прикрыл ладонью глаза, чтобы хоть как-то спасти их от света. Облегчение если и было, то чисто номинальное от того, что всё, что я мог, я сделал.

- Пожалуйста... мы можем ещё попробовать от них оторваться на моей Руфо...

Меня начали утомлять «пожалуйста» и просьбы о бегстве,

поэтому я оборвал её:

- Полукровка, тебе объяснили, что значит мой титул? Что значит Señor de la Única Torre?

- Дон Раймундо, вы правда не понимаете, что происходит...

Она назвала меня просто «дон Раймундо», опустив «де Альба-Викто, Señor de la Única Torre». Я не стал поправлять её, указывая на то, что я не позволял ей обращаться ко мне по усечённому наименованию, и даже сам ответил на свой вопрос:

- Señor de la Única Torre – сеньор единственной башни – это не про размер владения, это про честь. Про честь моих славных предков, мою собственную честь. Я не сбегу, даже если придётся стоять в одиночку против целой армии.

- Дон Раймундо, но ваш предок, когда армия короля Густава II всё же смогла подойти на подмогу, уже как три дня был мёртв.

До чего же упряма эта полукровка.

Упряма и далека от понимания того, в чём смысл жизни идадьго:

- Именно. Три дня солдаты, чья верность была оплачено золотом Хайльберга, не смогли взять башню, единственной защитой которой было имя. И имя это было – Кастильо де Альба-Викто.

После моих слов, полукровка, кажется, сдалась. По крайней мере перестала тянуть рукав в сторону.

Всадников было семеро.

Фернандо Херес-де-ла-Фронтера среди них не было.

Среди них вообще не было ни одного знакомого лица.

И одеты всадники были скорее, как бандиты, чем представители благородных семей.

- Дон Раймундо, не вздумайте умирать – вам ещё страну спасать. – тихо сказала полукровка, когда я пошёл вперёд, навстречу к всадникам.

Хорошо сказала.

Я полез в кошель, нащупал там монету. Золотой.

Обернулся, почти не глядя, бросил ей – она поймала.

- За что?

- *Paar la mentira* – плата за ложь. – пояснил я. – Пусть ты и лжёшь, но твои слова приятны моими ушам.

Иду.

Неспешно.

Правая рука на эфесе.

Жалею, что нет шляпы, ведь солнце, похоже, вознамерилось зажарить меня до хрустящей корочки.

Семеро.

Все в потертых кожаных куртках.

Лица небриты.

У седел – какие-то непонятные толстые палки с рукоятками.

- Кто такие? – спросил я, когда всадники, переведя своих лошадей на шаг, остановились в шагах пятнадцати от меня.

Тот, что был в центре – широкий в плечах – сплюнул, а потом бросил:

- А ты кто такой, чтобы спрашивать, *pendejo*?

Мерзавец?

Нет, это не слова Фера.

И это не его люди.

Он не стал бы связываться с такими.

- Я – тот, кто задает вопросы. – я не повысил голоса.

Ответом был смех, а потом вновь заговорил широкоплечий:

- *Sabron*, не знаю, что это *puta* тебе наплела, но она не стоит того, чтобы тут сдохнуть.

Я вынул шпагу из ножен.

Медленно.

- Слышь, - сказал он и направил на меня одну из тех палок, что я заметил, - нам нужна девка. Отдай. Нет – я тебя пристрелю, как собаку.

Я посмотрел внимательнее на его палку.

Короткая, как обрубок, с колесиком сбоку и выпирающей железкой в форме птичьей головы.

- Я – Рай...

Договорить мне не дали: палка гулко бахнула, укутывая

всадников облаком дыма.

Мне в плечо ударило чем-то.

Я от неожиданности даже немного развернулся.

Из дыма послышался смех, периодически переходящий в кашель.

Дым вонял.

Это я чуял даже на расстоянии.

В моём чудесном камзоле в районе плеча теперь была дыра.

Я посмотрел на дыру.

Потом – на всадников.

Они перестали смеяться.

Крови и боли не было.

Всадники направили на меня свои странные палки.

Палки рывкнули – не в лад, как пьяные менестрели. Что-то просвистело там, где я только что стоял.

Шпага вошла в горло широкоплечему, не встретив сопротивления. Он захрипел, выронил свою палку, схватился за шею обеими руками, как будто это могло помочь.

Выдёргиваю клинок.

Тело широкоплечего мешком оседает вниз. Лошадь шарахается в сторону, едва не сбросив своего всадника – того,

что слева. Молодого, с редкой порослью на щеках. Глаза – круглые.

Я делаю шаг вперёд.

Не к нему – к третьему.

Шпага скользит ему под мышку – в то место, где нет рёбер. Он охнул, сложился пополам и вместе с лошадьёю начал заваливаться вбок. Я едва успел отпрыгнуть, чтобы не оказаться под ними.

Четвёртый разворачивает лошадь. Он намерен бежать.

Пятый, поднимает свою палку, но руки у него трясутся.

Я смотрю на него.

Он стреляет в воздух.

А потом разворачивает лошадь и скачет за четвёртым.

Шестой и седьмой уже далеко, а вместе с ними второй.

Я вижу их спины, мелькающие между деревьями. Копыта выбивают комья земли.

Лезвие было в крови по самую гарду. И правая рука – та, что сжимала эфес – тоже.

Ржание испуганных лошадей.

Два трупа в пыли.

- Полукровка, говори. – не оборачиваясь, приказываю я и начинаю чистить свою шпагу от крови.

Говорить полукровка любила.

И теперь я ей почти верил, ведь каждое слово своим молчаливым согласием подтверждали два трупа.

Кровь исчезла с ладони быстрее, чем я стёр её со шпаги.
Впиталась в кожу.

Из раны на плече выпал круглый шарик, названный полукровкой «пуля». Само оружие, из которого эта пуля была выпущена, называлось «пистоль». И работало не за счёт магии, за счёт пороха, того самого, что в фейерверках.

Камзол испорчен, и пока возможность как-то исправить это отсутствовала.

Из того, что я услышал, сейчас шёл год три тысячи восемьдесят третий после Падения Небес, а это значило что я провёл в склепе почти триста лет.

О том, что моя семья вычеркнута из списка Великих Семей, полукровка не упоминала, зато много говорила о штурмах в Межреальности, разорвавших связи между мирами, о напасти насланной Тёмными богами, из-за которой почти вся Саламанка обезлюдела.

Говорила полукровка и о предсказании; о том, что шпага, рождённая в прошлой эпохе, остановит нашествие. И называла этой шпагой меня, отдельно акцентируя внимание на том, что она-то догадалась: речь идёт о шпаге, как метафоре идадьго, а не об оружии.

- Предсказание, - поморщился я, - глупость. Истинный дал нам свободную волю и шпагу, чтобы мы сами решали свои

судьбы, поэтому прошу в моём присутствии больше не упоминать свои языческие верования.

- Дон Раймундо, это...

- Я сказал. – прервал я её.

Полукровка посмотрела на меня так, что я усомнился в том, что недавно видел поклон в её исполнении.

Я видел такой взгляд у необъезженных лошадок, которым не нравилось то, что теперь они должны служить тому, кто ими владел. Но в конечном итоге они понимали, что для таких, как они, это великая честь служить таким как я.

Просто нужно время, чтобы это понимание пришло.

Время и жёсткая рука.

Когда меня утомили жара и слова полукровки, я жестом велел ей замолчать.

После уточнил – где находится ближайший к нам город.

Оказалось, что мы недалеко от Эльвенто.

Это была хорошая новость – там была церковь.

Мне следовало её посетить и исповедаться.

Глупости о том, что я теперь не тот, кому следует посещать церкви и исповедоваться, и о том, что сбежавшие всадники будут двигаться с подкреплением нам на встречу – из Эльвенто – проигнорировал.

Не было желания объяснять язычнице, что идальго без веры тоже самое, что и идальго без шпаги – самозванец.

Оседлав одну из лошадей, велел полукровке идти за своей Руфо.

От священника мне нужна была не только исповедь, но и подтверждение того, что я услышал от этой полукровки.

Триста лет.

Я закрыл глаза.

И когда открыл – ничего не изменилось.

Немилосердное солнце.

Круп Руфо и спина полукровки впереди.

Родные...

Я выясню, что же произошло.

Выясню, не будь я Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre.

Полукровка опасалась, что бежавшие всадники приведут подкрепление.

Опасения не оправдались.

Стражники на городских воротах откровенно скучали, и верно бы пропустили нас без досмотра, но сержант с выражением поглядел на одного из своих подчинённых и тот, от-

липнув от стены, перегородил нам городу.

- Предъявите бумаги.

Полукровка что-то быстро сказала.

Мелькнуло несколько монет, и с некоторой задержкой прозвучало:

- Проезжайте.

У стражников на воротах тоже были пистолы и то, что полукровка назвала «мушкеты».

Раньше алебарды теперь – это.

Я был ещё плохо знаком с новым оружием, но мне определённо уже не нравилось, возможно, даже больше чем не нравились маги и их магия.

Церковь носила отпечатки времени, которых раньше не было.

Ступени, ведущие к входу выщерблены множеством ног, прошедших по ним.

Лики святых на барельефах почти стёрты дождями.

Трещины в кладке.

Я оглядел площадь, дома вокруг.

Некоторые из них помнил.

Вон в том жил один из друзей моего отца. Мы несколько раз гостили у него.

- Жди. – бросил поводья полукровке и пошёл к дверям.

Она не успела поймать или, скорее не захотела ловить, и они упали в пыль.

Я не обернулся.

Я переступил порог.

Стало чуть легче.

Внутри не было столько солнца.

Пахло ладаном, воском – и ещё тем особенным, сладковато-затхлым дыханием старых камней, которые помнят исповеди лучше, чем сами грешники. Что-то едва слышно шептало пламя свечи перед алтарем.

Священник сидел в кресле у стенки исповедальни – старый, сутулый, с седой, жидкой бородой клинышком, в потертой рясе из грубого сукна. В руках – чётки из дешёвого дерева, почерневшие от пальцев.

Он поднял глаза.

И замер.

Увидел шпагу. Увидел мой камзол — зеленый с рваной дырой на плече со следами крови. Тёмное на зелёном.

Пауза.

Долгая.

Он медленно поднял бровь – левую, потому что правая приспущена была от старости, и казалось, что священник всегда смотрит с недоверием:

- Давно не были на исповеди, сын мой?

- Смотря – какой сейчас год идёт.

Священник посмотрел на меня с сомнением, которое перетекало в подозрение, но ответил:

- Три тысячи восемьдесят третий...

Я кивнул.

Полукровка не солгала.

- Дольше, чем я хотел бы, святой отец. – усмехнулся я краем губ. – Гораздо дольше.

Он не ответил на усмешку.

Встал.

Жестом велел мне подойти ближе.

- Ты в крови, кабальеро. И не только на камзоле. Я чую запах железа.

- Я убил сегодня, святой отец.

Тишина будто бы стала плотнее, даже пламя свечи, что недавно тихо шептало, притихло.

- Не на дуэли. – добавил я. – Их было семеро. Они напали первыми. Двоих отправил к праотцам. Остальные разбежались, как крысы.

- Ты защищал свою жизнь?

- Не только жизнь, но и честь. Честь – она превыше жизни, а эти семеро оскорбили меня, и испортили мой камзол.

Священник поджал губы так, что они побелели.

Долго молчал.

Потом сказал, и голос его был тих:

- Гордыня, сын мой. Вот что я слышу. Не раскаяние, а

гордость убийством. Да, ты защищал свои жизнь, и честь. Но ты не пришёл в суд. Ты явился в церковь, и ты не жалеешь о крови.

Он подошёл ко мне.

Старый, сухой, но глаза – чёрные, как маслины.

- Епитимья, кабальеро, будет такой. Выслушай и не перечь, ибо я говорю тебе не от себя, но от имени Истинного.

Он поднял руку и стал загибать пальцы:

- Во-первых, постишься на хлебе и воде три дня кряду. Во-вторых, отдашь семье каждого убитого по пять золотых – не как плату за кровь, а как милостыню за упокой их душ. Ибо они – грешники, но также они творения Истинного. В-третьих, молитвенное правило на каждый день в течение всего года...

Священник замолчал, пристально всматриваясь на семейных герб, вышитый на груди слева, под дырой, оставленной пулей.

- Ты не представился, сын мой.

- Я – Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre.

- Альба-Викто... - повторил он, и голос его стал глуше, будто из бочки, - твоя семья была отлучена в три тысячи тридцать первом за участие связи с Тёмными богами.

Пауза.

Он отступил на шаг.

Потом на два.

Уперся спиной в стену исповедальни, словно зверь, за-

гнанный в угол.

- Ты – excommunicatus. Отлучённый. Anathema sit. Твоя душа – вне Церкви, как волк вне овчарни. Покинь это место. Немедленно.

Послышались слова молитвы.

Священник боялся меня.

Боялся и всё равно говорил то, что я должен был услышать.

Это полукровка не соврала.

Не соврала и в этом.

- Не мните о себе лишнего, святой отец, я говорил не с вами. – бросил я, прежде, чем повернуться к нему спиной и, указав пальцем вверх, добавил. – Я говорил с Ним.

Вышел.

Солнце ударило в глаза.

Полукровка стояла в тени, прислонившись к стене, и сжимала в руке поводья и моей лошади, и своей Руфо.

Она посмотрела на меня.

- Мне жаль, дон Раймундо.

- Жалость – для слабых. – отмахнулся я. – Нам нужно в аббатство Санта-Марии Д'Аррагонской. Я должен увидеть бумаги суда над моей семьёй.

- Но...

- Я сказал. – оборвал я её и, забрав поводья, запрыгнул в

седло.

Она промолчала.

Только дёрнула щекой и тут же взлетела в седло.

Это вышло у неё лучше, чем вышел поклон. Видна была привычка.

По дороге в аббатство сделал небольшой крюк: необходимо было проверить имение, что у Эльвестро.

Имения не было.

Были руины.

Старые, заросшие уже даже не травой или кустарником, отдавшиеся во власть деревьев, что поднимали свои кроны в небо.

Подарок от жениха Клары, от этого торговца.

Имения никогда мне не нравилось. Я даже отказался переступить его порог.

Так почему же сейчас, смотря на его руины, я испытываю злость?

Пришпорил лошадь.

Скачка к аббатству продолжалась – теперь быстрее, чем прежде.

Мне нужны были ответы, которые могли быть в архивах обители.

Лошадь подо мной пала почти сразу после заката, когда проклятое солнце наконец скрылось за горизонтом.

Просто опустилась на передние колени, как будто хотела поклониться дороге: передние бабки хрустнули суставами, в седле меня дёрнуло вниз и вправо. Я даже не пытался удерживать равновесия, просто сгруппировался, перекатился через правое плечо, как с лошади, которая уже не лошадь, а мешок мяса с костями.

Поднялся.

Повернулся.

Лошадь лежала на боку, задние ноги поджаты, передняя вытянута неестественно прямо, копытом вверх. Голова запрокинута, губы оттянуты, дёсны белые. Глаз смотрит в небо – равнодушно, как у покойника, который уже ничего не ждёт.

Она ещё дышала – тяжело, через открытый рот, с влажным присвистом. Но не билась, не стонала. Только левая нога дёргалась мелко, будто лошади что-то снилось.

- Нужна передышка. У Руфо уже нет сил. Совсем. – сказала полукровка, стараясь не смотреть на меня.

- Мне передышка не нужна.

Если не сказать большего: с приходом ночи я ощутил прилив сил и какую-то пьянящую лёгкость, какая бывает от бутылки «Sangre de una diosa».

Я вынул шпагу из ножен и разрезал свою ладонь.

Глубоко.

Так бывает, когда хмель и ночь шепчут тебе на ухо свои истории.

Я опустил ладонь на голову умирающей лошади, и приказал:

- Вставай, Кр-р-р-рах! Вставай!

Конь дёрнулся.

Всей тушей – как от удара.

Глаза – секунду назад равнодушные – вспыхнули, и он поднялся.

Огонь в глазах его обещал: к рассвету я буду уже в аббатстве.

- Моей Руфо нужен отдых. – повторила полукровка свою мысль.

- А мне – нет. – ответил я и пришпорил Краха.

Священник подтвердил слова полукровки.

Увиденные мной руины своим молчанием говорили о том же.

Но это ещё ничего не значило.

Необходимо как можно скорее увидеть бумаги.

Копии дел судов над Великими Семьями, архивы – в аббатстве Санта-Марии Д'Аррагонской обширная библиотека, там должно быть всё, мне потребное.

- Все были счастливы... лишь ты один был этим недоволен, лишь ты... теперь они мертвы... - шептал знакомый голос мне.

- Замолчи!

- ... променявшее честь на звон монет, - их больше нет...

- Замолчи!

- ... Тёмные боги... причина падения семьи... твои силы они ведь не от Истинного...

- Замолчи!

- ... не думай и дальше, притворяйся... ты ведь это так хорошо умеешь...

Сильнее сжимая поводья в руке, пришпориваю Краха.

Мёртвый конь несётся по пустой дороге.

Огнём горят его глаза, пламя вырывается из его пасти, а из-под копыт вылетают искры.

Первые лучи солнца ожгли мою кожу, когда стены обители уже показались на горизонте.

Краха истаял, впитался в мою тень, и дальше мне пришлось идти пешком.

Сегодня солнце жгло сильнее, чем вчера, - создание Краха не прошло даром.

Оно жгло, давило своим весом, толкая в спасительную

тень, но я продолжал идти по дороге, без остановок, не прячась.

Ворота обители.

Я постучал.

Тишина.

Потом – скрип.

В маленьком окошке показалось лицо. Брат-привратник открыл рот, но я его оборвал:

- Передайте аббату: Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre желает встретиться с ним.

Какое-то время спустя в воротах открылась небольшая дверца и меня пригласили внутрь.

Прохладная тень не спасла меня от солнца, но принесла хоть какое-то облегчение.

Аббат ожидал меня в небольшой комнатухе с голыми каменными стенами. Зубы стиснулись сами собой – склеп. Я вспомнил склеп.

Стол.

За столом – маленький сухой человечек.

И это не Уберто Киджи, который должен был там сидеть.

- Итак, вы представились членом семьи Альба-Викто, их герб на вашем камзоле. Я вас выслушал. И теперь у меня

ровно два мнения, и оба не льстят вашей репутации.

Глаза его недобро блестели.

- Первое. Вы явились сюда с дурной шуткой. Может быть, вы продули имение в кости? Может, женщина вас отвергла? Или просто вино ударило в голову? Тогда, - аббат слегка повышает голос, и в нём слышатся нотки грозы, - тогда, кабальеро, вы оскорбили не просто монаха, а настоятеля. За это, клянусь, я прикажу братьям взять вас под руки и выставят за ворота со звоном пощечины, от которой ваши потомки будут краснеть. А если вы посмеете вернуться – вы ответите за бродяжничество и святотатство.

Аббат понижает голос до шепота, почти ласкового, но ледяного:

- Второе. Вы – безумец. Истинный pazzo, у которого в голове вместо мозга – осиное гнездо. В этом случае... в этом случае у нас есть целый павильон для умалишенных. Не волнуйтесь, там не так холодно, как говорят. Братья-монахини дважды в неделю меняют солому. Вы будете молиться, и, может быть, Истинный вернет вам рассудок. Но – это лечение не будет быстрым. Иногда оно длится годами.

Аббат упирает локти в стол и подпирая подбородок костяшками пальцев заканчивает:

- А теперь, дон Раймундо, - выбор за вами.

- Третье, святой отец. Я – Раймундо де Альба-Викто, Señor de la Única Torre, и я явился сюда, чтобы увидеть копии решений суда, согласно которых моя семья была лише-

на статуса «чистой крови» и вычеркнута из списка Великих Семей.

Долгая, очень долгая пауза.

Аббат не отводит взгляда, но его глаза меняются – в них исчезает насмешка, появляется что-то вроде любопытства, смешанного с недоверием. Он медленно убирает руки от подбородка, выпрямляется:

- Третье, говорите... третье... вы не шут, ибо у шута не бывает такого лица... и вы не безумец, ибо безумцы – не приходят в аббатство с тихой яростью в глазах...

Аббат поднимается из-за стола – медленно, как старый кот, который решил, что мышь достойна игры. Он подходит к небольшому дубовому шкафчику в углу, открывает его. Оттуда доносится звон стекла.

- Садитесь. Вы, я вижу, стоите так, будто вам в спину вколотили железный прут.

Он достает глиняный кувшин и две кружки. Наливает. В одной кружке видно мутноватое красное – вино, дешевое, монастырское, но бодрящее.

- Пейте.

Вино на вкус как вода.

- Да, я могу дать вам доступ к бумагам. У нас в библиотеке хранятся *соріае астогит* – копии актов – и многое другое. Но прежде, чем я позволю вам увидеть бумаги, я хочу услышать от вас правду. Как давно вы покинули родные края? Когда в последний раз получали весточку из дома? Говорите. Пейте.

И не лгите – я почти полвека слушаю исповеди, я чую ложь лучше, чем собака – зайца.

- Три века, святой отец. Три века меня не было дома.

Аббат молчит.

Я тоже молчу.

Смотрю ему в глаза.

- Есть ли ложь в моих словах, святой отец?

- Нет, дон Раймундо... вам будет позволено ознакомиться с бумагами, а после я хотел бы услышать вашу историю.

- Благодарю, святой отец.

- Не благодарите, дон Раймундо. Возможно, вы будете проклинать меня, когда увидите эти бумаги, ведь они заберут у вас последнюю надежду.

Аббат больше ничего не добавил.

Только позвал брата, стоящего за дверью – негромко, но так, что тот услышал сразу, и велел сопроводить меня к брату Сильвестро, тут же пояснив для меня:

- Брат Сильвестро стар, но никто лучше его не знает нашу библиотеку. Он будет рядом. Он принесёт вам всё, что будет необходимо, дон Раймундо.

Брат Сильвестро оказался подслеповатым стариком, с дрожащими руками, но решение суда он принёс быстрее, чем я рассчитывал.

Решения подтверждали то, что мне было уже известно.

«... принимая во внимание доказательства, представленные Священной Канцелярией и Суду Семей, касательно... носителей фамилии Альба-Викто... Суд постановляет: лишить означенную фамилию всех прав и привилегий, сопряженных с благородным происхождением... Всем ныне живущим и будущим потомкам, носящим фамилию Альба-Викто, воспрещается именоваться ею под страхом обвинения в самозванстве и оскорблении суда.»

Далее – списки. Имена. Даты. Приговор. Казни. Чья связь с Тёмными богами доказана. Конфискация имущества. Запрет на фамилию.

Редкие счастливицы, которым удалось доказать свою непричастность, «обязуются отныне и впредь именоваться фамилиями: Позо, Поззини, Пуэнте».

Это ничего не значило.

Судьи люди – их, как и любых людей, можно купить.

Тех, кого нельзя купить, продают. Часто самые близкие, даже родные.

Я запросил имеющиеся акты и материалы по делу.

Показания тех, кто носил мою фамилию и чьи имена мне были не известны. Они говорили о ритуалах. О крови. О Тёмных богах. Я не знал этих людей. Может быть, они лгали. Может быть, их пытали. Может быть – они действительно верили в то, что говорили. Почти все они говорили об одном – сношения с Тёмными богами начались три столетия назад, при жизни донны Кларисы де Альба-Викто, но следовательно

высказывал свои подозрения в том, что истинным виновником падения семьи была её мать – донна Беатрикс де Альба-Викто, помешавшаяся после смерти сына – Раймундо.

После моей смерти.

Раймундо де Альба-Викто, умер в две тысячи восемьсот седьмом году. Причина – отравление.

Я умер в две тысячи восемьсот седьмом году.

Умер, не как мужчина, в бою, сжимая, шпагу, а от яда.

- Дон Раймундо, может быть сделаем перерыв? Уже ночь на дворе, а я, как вы можете видеть, не так молод. – вырвал меня из бумаг голос брата Сильвестро.

На дворе действительно была ночь.

- Я – продолжу. Вас жду утром.

От свечей отказался.

В темноте я теперь видел лучше, чем днём.

Хотелось закрыть глаза, а когда они открылись бы вновь услышать недовольное ворчание Хулиито или предложение Чезаре выгнать немощ доброй тренировкой.

Сошёл бы даже смех Фера надо мной, его радость от того, что шутка удалась.

Но я закрывал глаза, открывал их вновь и ничего не менялось.

Тот же стол.

Те же бумаги.

- Ты получил, что хотел. Все, кто позорил фамилию, кто продал честь за монеты – все они мертвы. Теперь ты доволен?

- Замолчи!

- Они мертвы, и ты теперь можешь всем врать, что ты – честный идалго.

- Замолчи!

- Но мы-то... мы-то с тобой знаем, чьи монеты получал ты из рук матери. Мы-то с тобой это знаем.

- Замолчи!

Крах, вырвавшись из тени, недовольно ржёт, мотает головой.

Мой конь хочет есть.

Ему нужны чужие плоть и горячая кровь.

Я положил руку на морду Краха:

- Потерпи немного, я найду чем тебя покормить.

Статьи.

И акты, подтверждающие, что статьи выполнены.

«...и поскольку фамилия Альба-Викто лишается прав и привилегий, сопряженных с благородным происхождением,

то и герб, под коим означенная фамилия известна, подлежит полному и безвозвратному уничтожению. А именно:

1. Все изображения герба – на камне, дереве, металле, ткани, пергаменте, - где бы они ни находились, должны быть сбиты, сожжены или закрашены.

2. Владельцам воспрещается под страхом тюремного заключения воспроизводить герб в любом виде – лепить, рисовать, вышивать, гравировать.

3. Надгробные плиты, содержащие герб, подлежат перевоорачиванию или перетеске так, чтобы знаки рода стали нечитаемы.»

Такие же статьи на фамилию и гентарку, символ рода.

Семь золотых монет.

«Семь монет» - я перечитал трижды.

Семь жалких монет, а не обломок шпаги Кастильо де Альба-Викто, той самой, что он сжимал в руке, когда был найден людьми короля Густаво II.

Семь золотых монет – не символ моего рода.

Семь монет не могли прийти на смену клинку.

Я отказываюсь в это верить.

- И всё же ты сам это видел – ты, клинок, стал никому не нужен.

- Замолчи!

- Монеты... их звон так приятен...

- Замолчи!

- Ты ведь тоже когда-то перестал считать монеты...

- Замолчи!

Крах стоял рядом.

Ждал.

Утро.

Солнце, которое я почти ненавидел.

Его свет пробивался сквозь узкие стрельчатые окна, мно-
жась в витражах, чтобы побольнее впитаться в мою плоть.

Дверь скрипит.

Это не брат Сильвестро. Это аббат.

Аббат подходит к столу.

Смотрит на тарелку. На кружку.

Еда и питьё. Я и не заметил, что они были тут.

- Вы не ели, дон Раймундо.

- Не было желания.

Аббат медленно обходит стол. Садится напротив.

- Дон Раймундо, я пришёл за историей. Вы обещали мне
её.

Аббат смотрит мне в глаза, и в них я вижу всё, что не было
сказано: вижу лица братьев, которые говорят, что их разбу-
дили странные звуки из библиотеки, вижу и тех, кто всё же
пошёл посмотреть, что за причина у тех звуков, их меньше.

- Нет никакой истории, святой отец. Есть мертвец.

Я поднялся, склонился – неглубоко, как перед равным, но благодарно.

- Не пытайтесь меня остановить – Истинный мне свидетель, я бы не хотел убивать его верных слуг. Но если вы вынудите меня – я это сделаю.

И пошёл прочь.

Пешком.

Крах не переносит солнечный свет.

После аббатства мой путь лежал в фамильную усыпальницу.

Мне нужно было это.

Я должен был увидеть всё своими глазами.

Солнце жгло и давило так, что даже думать было больно, поэтому я не сразу заметил, что полукровка догнала меня на своей Руфо.

Едет молча, но взгляд её давит не слабее, чем солнца лучи.

- Что-то хочешь сказать, полукровка?

- Вы нашли, что искали?

Вопрос прозвучал, но я понял, что прозвучать должен был не он, поэтому сказал:

- Это не то, что ты хотела спросить. Задай вопрос, который хотела задать или проваливай: я не разговариваю со лжецами.

Стук копыт пропал.

Полукровка остановила свою лошадь.

Я продолжил свой путь.

- Вы ещё кого-то убили? – донеслось из-за спины.

Наглая полукровка.

- А следовало? – я остановился и обернулся.

Если полукровка и была где-то рядом – различить её за белой пеленой, что застилала глаза, я не видел ничего.

- Дон Раймундо, это вам решать. – а потом после паузы. – Но я была бы вам очень благодарна, если бы вы попробовали воздержаться от убийств.

- И что мне делать с благодарностью какой-то полукровки?

- Это вам решать, дон Раймундо. – а потом вновь после паузы. – Но уверена, что идальго вроде вас найдёт место в своём майорате и для меня, тому же вам ведь ещё страну спасать. Вы же это не забыли?

Забыл.

Я вообще всякую чепуху стараюсь в голове не держать.

Ищу слова, чтобы ответить.

Слов нет.

Есть свет.

Есть боль.

Свет до чего же много света...

Сплю.

Мне снится, что мой род уничтожен.

Все, кого я знал – мертвы.

Я тоже мёртв.

Это плохой сон.

Страшный.

Самый страшный из всех, что виделись мне.

Вырываюсь из лап кошмара.

Земля, рыхлая.

Она вокруг.

Она забивается мне в рот, мешает смотреть.

Могила.

Это не склеп. Это могила.

Встаю.

Уже ночь.

Отряхиваюсь.

Могила совсем неглубокая не доходит мне даже до колена.

Камзол, мой камзол.

В нём уже была дыра, его припорошила пыль дороги. Теперь он покрыт землёй.

Пытаюсь хоть как-то отряхнуться, привести себя в порядок.

Вспоминаю о полукровке, о том, что мы так и не договорили.

Оглядываюсь.

Вон она, у костра что-то готовит в котелке.

Крах, бодает меня головой.

Конь голоден.

- Я сказал – жди. – осаждаю я его.

Иду к полукровке, которая усиленно притворяется, что не замечает меня.

Возможно, не делай она это так демонстративно, - я бы мог и поверить, что в ночной темноте меня можно было не сразу увидеть.

- Дон Раймундо, вам лучше?

- Это ты меня похоронила?

- А вы видите здесь ещё кого-то?

Спросила и улыбается.

- Благодарю... и можно... можно без дон... просто Раймундо... сама ведь знаешь...

- Не хочу отвыкать: когда вы получите свой майорат, опять ведь потребуете, чтобы я звала вас дон Раймундо.

- Майорат... глупая ты, полукровка... нет больше моего майората...

- Это сейчас нет, а как в Саламанку придёте, тварей, изменённых, истребите, права свои заявите. И будет у вас майорат лучше и больше прежнего.

Сказала и улыбается, варево своё в котелке помешивает.

На левой руке повязка.

Её раньше не было.

Видимо, поранилась по пути.

- Не смотрите на меня так, дон Раймундо, гоблины просто отвратительны на вкус, и коню своему скажите, чтобы перестал на мою Руфо поглядывать – вздумает её за бок цапнуть или ещё что – ему не поздоровится.

Снимаю кошель.

Бросаю полукровке.

Какие ни есть монеты – все её.

- Пусть ты и лжёшь, но твои слова меня радуют.

Кошель она поймала. Не глядя.

Не только наглая, но и ловкая.

- А как же «я не разговариваю со лжецами», дон Раймундо?

- Притворишься, что не услышала, это нам, идальго, помогает не отправить всех знакомых в могилу.

Наглая полукровка улыбнулась мне в ответ и промолчала.

Когда похлёбка была готова, полукровка предложила меня её отведать, и даже показала, что для меня была припасена ложка. Обычная деревянная ложка. Для меня. Это даже было забавно.

Отказался.

После ужина вместо того чтобы продолжить путь, полукровка расстелила плащ. Спать собралась.

- Мне нужно увидеть фамильную усыпальницу.

- А мне нужно поспать – я который день в седле. Я устала. Я хочу спать. И Руфо тоже должна отдохнуть. – сказала даже на секунду не задумавшись.

- Тогда нам вновь придётся расстаться. – сообщил я и, повернувшись, направился к Краху.

Трава под копытами моего коня пожухла.

Невдалеке паслась Руфо, с опаской поглядывающая Краха.

Судя по взгляду коня, опасения были обоснованы.

- Дон Раймундо, неужели вы можете оставить беззащитную девушку одну в лесу? А вдруг тут водятся волки? А вдруг бандиты? Я даже боюсь представить, что они могут со мной сделать. – она произнесла это с театральным ужасом, явно переигрывая.

Но я остановился.

Идальго не может оставить в лесу беззащитную девушку, даже если это не совсем девушка, а полукровка.

Крах недовольно замотал головой. Он хотел есть и что-то кроме этого его не волновало.

- Так я могу рассчитывать на вашу защиту, дон Раймундо? – по тону было понятно, что эта полукровка прекрасно понимала, что её слова достигли цели.

- Можешь... но завтра мы продолжим путь. Я не намерен терять ещё больше времени.

- Дон Раймундо, вы проспали триста лет – день другой уже

ничего не изменят.

- Не тебе, полукровка, мне указывать.

- Это да, это да...

Полукровка уснула почти сразу – немного поворочалась и вот уже сопит.

Истинный, до чего же наглое создание.

Но стоит признать – напоминает тех пройдох-оруженосцев, что часто сопровождают благородных идальго в их странствиях, описанных на страницах книг. Тех самых, о которых метко сказано «дабы мелочностью своей и глупостью оттенять благодетели и достоинства идальго».

Только это всё же женщина.

Полукровка.

И нет бы эльф там был примешан... так нет же – гоблин... уши эти огромные, кожа зелёная...

Прошёлся по округе.

Всё тихо. Только ветер в ветвях и светляки в траве. Ни волков, ни людей.

Откуда тут волкам взяться – кругом поля-селения?

Людей тоже не видать – кто будет по ночам куда-то скакать, рискуя в темноте пропустить колдобину или ветку, заплатив за то может жизнью лошади, а может и своей?

Вернулся к полукровке.

Костерок уже догорал.

И пусть – замёрзнет её проблемы. Если рассчитывала, что я его буду поддерживать, - нужно было попросить меня и подготовить хворост.

Подошёл к Краху.

Конь был недоволен.

Клацал зубами.

Таким зубам позавидовал бы иной волк.

Посмотрел на могилу, в которой лежал днём.

Снял камзол. Раз выдалось время – нужно его почистить как следует.

С дырой решительно непонятно было, что делать. Хулиито эту бы неприятность решил уже к утру.

Нет Хулиито. Нет и старого Чезаре. Он бы мне устроил – который день без тренировок.

Прикоснулся к фамильному гербу, что был под дырой.

За его ношение полагалось наказание. Я видел бумаги.

Неужели, во всём этом виноват я?

Неужели смерти такого как я было достаточно, чтобы моя маменька сделала то, что погубило весь род, но спасло меня?

Крах заржал.

Он хотел плоти и крови. Ему были чужды какие-то терзания.

Я посмотрел на полукровку. Спит. Рот открыт. Уши эти дурацкие.

В плащ сильнее укуталась.

Костёр почти прогорел.

Пошёл за хворостом: спутник с насморком или который постоянно ищет кусты, то ещё наказание.

Всадников я почуял сильно издалека.

Похоже, не только зрение моё стало острее, но и слух стал чутче.

Крах скорее зарычал, чем заржал. Низко, утробно.

Руфо проснулась. Хотела вскочить, но напоролась на мой взгляд.

- Спать. – приказал я, и животное, покорно закрыв глаза, уснуло.

Я выехал к ним на встречу.

Дюжина всадников – товарищи тех двоих, что я убил, всё-так пришли с подкреплением. Были не все из тех, кого я видел у склепа. Не было второго, того молодого.

Крах, чуя поживу, гарцевал, не желая замирать ни на секунду.

- Не меня ли вы ищете? – спросил я.

До всадников ещё было шагов сорок, но ближе их кони отказывались подъезжать.

Один в своих попытках заставить лошадь сделать то, чего

она не желала, выпал из седла.

Жалкое зрелище.

- Это этот... это он убил Хуана и... и Рыжего... - затараторил пятый, тот, что выстрелил в воздух.

Всадники нестройно вскинули свои пистолы, направив их на меня.

- Вомпер, где девка? Ты её сожрал?

Вомпер?..

Он меня принял за вампира?

Что за глупость?..

- Зачем вам она? – задал я вопрос, который нужно было задать ещё тогда, у склепа.

В ответ послышались нестройные возгласы:

- Не твоё дело, мертвяк!

- Отвечай!

- Или серебра в брюхо захотел?

- Плуту, дай ему пороха нюхнуть, может сговорчивее станет.

Грохнуло.

Пистоль того, кого похоже звали Плуту, выплюнул в меня кусок металла.

В камзоле появилась ещё одна дыра, уничтожившая мой фамильный герб, и слившаяся своими краями с первой.

Раздавшийся было хохот быстро потух: я пальцами залез в рану и извлёк пулю.

Надо же и правда серебро.

- Ещё раз повторяю вопрос: зачем вам эта полукровка?

В ответ вновь прозвучал нестройный хор голосов:

- Да пошёл ты!

- Истинный, что это за тварь...

- Niño de puta!

Мне стоило всё больших усилий сдерживать Краха.

- Кому дорога жизнь – можете уйти... я даю вам эту возможность. – сообщил я, а после указав на одного из них, уточнил. – Кроме тебя. Не стоило упоминать мою мать. Она была достойной женщиной.

В ответ раздался грохот.

Они свой выбор сделали.

Крах прыгнул.

Не побежал – прыгнул, как зверь, перекрывая расстояние одним скачком.

Первого я взял шпагой – в горло, как того, широкоплечего, у склепа. Второго – Крах – копытом в грудь, хруст рёбер. Третий выхватил второй пистоль, но я перехватил его руку, развернул, и выстрел ушёл в небо. Четвёртому Крах откусил половину тела. Третий тоже умер, убитый мной.

Пятый.

Шестой.

Я спрыгнул с Краха, чтобы добить валявшегося на земле седьмого.

Выжившие на обезумевших от запаха крови и грохота лошадях ринулись в рассыпную.

Крах понёсся за ними, желая заполучить ещё больше плоти, ещё больше крови.

- Кр-р-р-рах! Нет! – остановил я коня. – Мы не убиваем убегающий.

Крах с явным неодобрением прекратил погоню. Вернулся доедать тех, кого мы с ним убили.

Когда мы вернулись, полукровка уже не спала.

Ничего удивительного – грохот, который производят эти пистолы, мертвеца может разбудить.

Отвратительное оружие – раньше лишь маги не брезговали разными бесчестными вещами по типу огненных шаров или стрел, теперь же этим баловались и простолюдины.

- Дон Раймундо, где вы были?

Что за тон?

Это уже не просто наглость – так обращаться к идалго.

Лоса!

Но я даже прошу этой безумной её тон – я пьян ночью и одержанной победой.

Я могу себе позволить быть великодушным:

- Избавился от преследователей. Покормил коня. И теперь хочу услышать причину, по которой такую как ты преследуют бандиты.

- О-о-о-о, дон Раймундо, тут всё очень просто: мои родители хотели меня выдать за старого спесивого идадьго, а мне это не пришлось по вкусу, вот теперь мой жених посылает за мной своих людей.

С лёгкостью и улыбкой, которые свойственны только женщинам, резанула по живому.

Клара могла сбежать. Не сбежала.

Я мог убить этого торгошца, решившего, что золотом можно купить честь.

Золотом можно купить фамилию, титулы и должности.

Честь нельзя купить, но честь можно потерять.

Слова этой полукровки выгнали хмель из крови быстрее, чем родительская оплеуха, заставив вспомнить, почему я здесь.

- Дон Раймундо, пошутила я, пошутила, не нужно делать такое лицо. – замахала руками полукровка. – Я же говорила: я два года вас искала. Это просто наёмники, не всем по нраву, что я решила разыскать вас. Это просто наёмники. Дон Раймундо...

- Если не намерена больше спать – выезжаем. – оборвал я её.

Полукровка что-то затараторила и начала споро собираться.

Мы выехали задолго до рассвета.

Это было хорошо.

Ночью теперь мне передвигаться было проще.

- Это просто наёмники, дон Раймундо... просто наёмники...

После восхода солнца я остался без Краха.

Пешком шёл по дороге.

Полукровка ехала рядом.

Молчала.

В общем-то она ни в чём и не была виновата.

Так бывает.

Один скажет что-то, даже не думая никого обидеть. Но кто-то обидится. Дуэль. Труп. Может два. А может и больше – у всех есть друзья семьи, которых не устроит то, что убийца остался жив.

Солнце.

С каждым днём оно становилось всё злее, всё беспощаднее.

Сегодня оно силилось содрать с меня кожу.

Глаза давно ничего не видели. Только белый свет.

Я шёл, придерживаясь на круп Руфо.

Лошадь, наверное, уже не шла, а едва плелась, но благодаря этому я всё ещё шёл.

Я шёл.

Шёл...

Сплю.

В могиле.

Похоже, опять благодаря полукровке.

Как бы это не вошло в дурную привычку.

Вырываюсь из могилы.

Оглядываю себя.

Только зря вчера время на чистку камзола потратил.

- Дон Раймундо, мне не очень нравится копать вам могилы, поэтому может быть не будем передвигаться днём?

- А не благодаря ли тому, что ты хотела спать, я передвигался днём?

- Дон Раймундо, как можно? – ужас её наигран и притворен. – Вы говорите, что какая-то полукровка манипулировала вами? Я правильно вас поняла?

Молчу.

А она улыбается.

Оскорбила и улыбается.

Эта лоса играет с огнём.

- Клянусь, если бы вместо слов, ты разила шпагой: во мне уже была пара лишних дыр.

- Не нужно комплиментов, дон Раймундо, а то моё ма-

ленькое сердечко растает... благородный идалго и жалкая полукровка... – с театральностью, как обычно, был перебор.

- Ехать будем ночью. Днём – отдыхать.

- Как вам будет угодно, дон Раймундо.

И улыбается, ведь понимает: иного я и не мог сказать.

Ехали не спеша: горячка первых дней отступала, приходило похмелье, то самое, когда в голове всплывали поступки, сотворённые в хмельном угаре.

Мой род погиб из-за меня, и под тонкой оболочкой человека теперь сокрыто нечто, чему нет места под солнцем. Но всё равно я еду в усыпальницу, еду с упорством, с которым в третий раз просил когда-то повторить то, что я вчера по пьяни сотворил, надеясь, что в этот, третий раз, сказанное будет не столь ужасно и отвратительно.

Грубость священнику в церкви, угрозы аббату... Истинный, я себе позволил больше чем должно и признаю вину свою. Всё то – плод моей гордыни.

В желании скорее увидеть бумаги суда, я оставил полукровку. Оставил девушку в опасности. Безумную.

- Дон Раймундо, ваша зверюга к моим словам проявляет больше внимания, чем вы, так что я начинаю подумывать: возможно, я ошиблась, и в пророчестве говорилось совсем не о вас, а о вашем коне.

Крах в ответ фыркнул. Из ноздрей вырвалось пламя.

Руфо, хоть и шла чуть поодаль, но всё равно шарахнулась в сторону, и полукровке пришлось потратить время, чтобы успокоить животное.

- А я начинаю подумывать, что ты получаешь наслаждение от выпадов в мою сторону.

Полукровка фыркнула в ответ. Было это без огня, поэтому не имело того же эффекта, что после моего Краха.

- Должна же я как-то компенсировать, что мне приходится спасать страну в компании ископаемого.

- Если моя компания так противна – я могу тебя покинуть. – предложил я, рассчитывая хоть немного осадить эту безумную.

В этот раз ответом был смех.

Звонкий.

Долгий.

- Пустые угрозы – вы, дон Раймундо, настолько крепко скованны понятиями о чести, благородстве, ответственности, долге, что это делает вас до невозможности предсказуемым: вы ни за что не оставите меня, только не после того, как узнали, что мне грозит реальная опасность. Вы же идальго – идальго не бросают девушек в опасности.

Лоса!

Такие слова.

Да ещё сказанные таким тоном.

Что-то в этой полукровке есть от куртизанок, не тех моло-

дых, одного взгляда в глаза, которых достаточно, чтобы увидеть сколько монет будете тебе стоить их благосклонность, а опытных, которым уже не важен презренный металл, не важен результат, лишь игра имеет значения, лишь она, игра, в которой не ты, а она принимает решение – продлится ли игра ещё немного или будет окончена.

- Просто сейчас у меня нет более достойного занятия. – нашёл я ответ, который помог бы мне сохранить лицо.

- А как же спасение страны? Или вы, дон Раймундо, таким завуалированным образом хотите сказать, что жизнь полукровки вам важнее целой страны? В таком случае, чтобы не разрушать тайну и не бросать тех запретных отношений на вашу честь, я притворюсь, что не знаю о ваших ко мне чувствах.

Смотри на меня и улыбается ведь. Нагло так.

Улыбается, а сама ж – трепло похлеще Фера.

Сообразительный Крах легонько клацнул зубами, и полукровке вновь пришлось успокаивать свою Руфо.

- Похоже, я тоже начинаю находить способы, как получать удовольствие от нашего путешествия. – улыбнулся я, обнажая клыки, которые недавно обнаружили у меня во рту.

Крах тоже улыбнулся. Как умел.

Перед рассветом остановились.

Для того чтобы переждать день мне нужна была могила, копкой которой я и занялся.

Другие варианты пока отсутствовали.

Вновь обратил внимание на повязку, что была на руке полукровки.

Судя по тому, что она успела потемнеть от крови, и запаху – рана отказывалась заживать.

Снял камзол.

- Пока я сплю – найди цирюльника или знахаря. В качестве оплаты можешь отдать это. – протянул я ей камзол.

- Думаю, если в качестве оплаты я предложу камзол с двумя пулевыми отверстиями, к тем неприятностям, что у нас уж есть, добавятся новые.

- Мои карманы пусты, поэтому ничего иного для оплаты услуг лекаря предложить не могу, поэтому с неприятностями я разберусь, когда они будут.

Полукровка тут же здоровой рукой подбросила и поймала кошель, что ранее я бросил ей. Монеты там звонко звякнули:

- А нужно сперва думать, а потом уже бросаться кошельками.

- Монеты – металл. Металл ничего не стоит. Камзол с плеча идалго – жест. Нужно понимать разницу.

Полукровка разницу понимать отказалась и стала хохотать.

Так и лёг в могилу да сам себя и начал закапываться под её хохот.

Верхнюю половину тела без помощи было не прикрыть, поэтому обратился к всё ещё хохочущей девушке. Она отказывать не стала.

- Дон Раймундо, а что это у вас на лице? – спросила полукровка, когда оказалась над могилой, в которой я лежал.

Я хотел уточнить, что она имела ввиду, но ответ на вопрос нашёлся сам – полукровка сбросила землю мне на лицо. Потом ещё и ещё.

Меня в который раз хоронили.

И это было совсем не так, как мне мнилось когда-то.

Не было ни товарищей, говорящих речи о том, какой честью было быть моим другом, ни плачущих девушек.

Была только эта Юса.

Но даже её было достаточно.

Она хотя бы верила, что я ей нужен.

Спалось мне сносно, но пробуждение сплошная морока: вырываться из могилы, отряхивать комья земли. Было в этом что-то неправильное, что-то, что я всё ещё не принял.

- Дон Раймундо, разделите со мной ужин? – полукровка с непередаваемо-широкой улыбкой, невозможной для человека, помахала мне рукой.

- Благодарю, не голоден.

- И всё же поесть вам не мешало бы...

- Не голоден.

- ... и помыться тоже не помешало бы. – совершенно про-

игнорировав мои слова закончила она.

Это был удар.

Грубый, мощный, сломивший любую из защит, которую я мог бы попробовать выставить.

Девушка, указывающая, что тебе не помещало бы помыться.

Будь рядом свидетель – мне бы пришлось его тут же вызвать на дуэль за одно лишь то, что он оказался свидетелем такого позора.

- Река – там. – она указала себе куда-то за спину. – Как помоешься – приходите, поедим, а после – продолжим путь.

Пошёл мыться.

Разделся.

Оставил одежду на берегу.

Вошёл в воду.

Наверное, она была холодная.

Наверное, ведь боль, холод, усталость в моём нынешнем состоянии ощущались не так, как это было раньше, скорее это были почти забытые воспоминания о былых чувствах.

Неожиданным преимуществом оказалось отсутствие растительности на лице. Прошёл уже который день с того момента, как я выбрался из склепа, а щёки, подбородок – гладкие. Это довольно забавное открытие подняло мне настроение, и я даже почти перестал думать о том, что полукровка в очередной раз мне нагрубила, а я так и не нашёлся, что ей

ответить.

Почти перестал.

Почти.

На берегу я обнаружил, что одежда, оставленная мной, отсутствует, а вместо неё лежит новый комплект одежды.

Только перевязь со шпагой и оставила, да сапоги.

Эта Юса забрала мою одежды и думает теперь, что я одену это?.. я поднял рубаху... ну рубаха, предположим, выглядит добротнo, покрой странноват, но чистая и без дырок на груди... но остальное... простые широкие штаны из шерсти, впрочем, тоже оказались на так уж и плохи, как мне это показалось, коротковаты немного. Камзол без украшений, не притален, но чистый и без дыр.

И шляпа, фетровая с полями.

Пожалуй, за шляпу можно и простить этой Юса её наглость.

Шляпа, как я мог забыть о шляпе?

Без пера, без украшений, но это шляпа.

Она села как влитая – слегка набок, как носил отец, когда хотел показать, что ему всё равно на мнение окружающий. Поправил. Потом снова сдвинул. И оставил так.

Не только за шляпу, но и за то, что я вновь шеей ощущаю прикосновение к накрахмаленному воротнику.

Надо же удар пули не почувствовал, а это чувствую.

Плащ?

Чуть коротковат, но не важно.

Когда я вернулся к костру, полукровка окинула меня взглядом, и судя по улыбке сочла увиденное достойным.

- Поедите и в путь. – сообщила она мне.

Прежде чем есть, я не мог не выразить свою благодарность за одяние, но оказался прерван полукровкой в самом начал:

- Не выдумывайте лишнего: я просто хочу, чтобы рядом со мной был *caballero*, а не *robre diablo*.

Лоса!

Почему мне не встретился никто похожий на неё?

Взял бы в жёны и умер бы как мужчина, потому как стоило бы это безумной в приличной компании открыть рот, как тут же мне была бы брошена дюжина вызовов на дуэль.

Надеюсь, полукровка всё же где-то купила одежду для меня, а не украла.

Всё-таки она гоблин наполовину.

В этот раз я слушал то, что говорила мне спутница.

Не мог не слушать: хотя бы из чувства благодарности.

Династия Рибера-дель-Дуэро-и-Трастамара, представителем которой был Густаво II, именуемый сейчас Густаво II Толстый, пожаловавший нашей семье титул «*Señor de la Única Torre*» осталась в прошлом. Теперь в Регендорфе правили Габсбурны, те самые Габсбурны из Богемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.